

Н.В. Деева

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТОВ «СМЕРТЬ» И «ŚMIERĆ»
В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Концепт «смерть» является одним из ключевых в различных культурах. Среди способов репрезентации данного концепта в русском и польском языках выступает метафора. Большое количество метафор, объективирующих концепт «смерть» в обоих языках (антропоморфные, зооморфные, орнитологические и др.), имеют древние корни, что свидетельствует о многовековом интересе человека к смерти и попытке ее конкретизации средствами мышления и языка. Метафоры не только позволяют представить смерть в доступных для восприятия образах, но и отражают оценку этого феномена человеческим сознанием.

концепт, концептуальная метафора, лингвокультурология, наивная картина мира.

Метафора как один из способов организации человеческого мышления и элемент языка обладает огромным потенциалом: она создает новую реальность. Используя метафору для описания фрагментов действительности, знания о которых у человека малы, или же фрагментов, не имеющих наглядно-чувственного воплощения, она дает возможность представить «в чувственном образе бестелесную и труднопостижимую абстракцию»¹, тем самым позволяя нам глубже проникнуть в сущность окружающего мира, «увидеть» то, что увидеть невозможно.

Зная об устройстве собственной жизни и ее непременном окончании — смерти, человек на протяжении многих веков проявляет интерес к этому феномену. В русле гуманитарных наук изучение круга проблем, связанных с понятием «смерть», много-аспектно: философов больше занимают вопросы отношения человека к смерти², этнографов интересуют ритуалы и обряды, сопровождающие прощание с умирающим, захоронение умершего³, культурологов — мифологемы и образы смерти в различных культурах⁴, литературоведы и искусствоведы анализируют образы смерти, представленные в произведениях художественной литературы⁵, изобразительном искусстве⁶ и т.д. В лингвистике описываются особенности репрезентации концепта «смерть» в различных языках⁷. Все эти труды можно рассматривать как своего рода попытку человека заглянуть в окутанную до сих пор тайной сферу «иной жизни», мир смерти.

В данной работе представлен сравнительный анализ метафорических способов объективации русского и польского концептов «смерть»/«śmierć», позволяющий выявить с учетом родства языков универсальность и специфичность осмысления и представления этого феномена в наивных картинах мира.

Основываясь на операциях уподобления или аналогии, метафора порождает целый ряд визуализированных образов смерти. Одной из самых древних может считаться антропоморфная

¹ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. С. 115.

² Арьес Ф. Человек перед лицом смерти М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 528 с.

³ Нальчикова Е.А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов : дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2007. 233 с.

⁴ Рылская Т.П. Мифологема смерти в проблемном поле визуальной культуры : дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2010. 170 с.

⁵ Чалова Л.В. Образ смерти в стихотворении Э.А. По «Ворон» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 78–82.

⁶ Нессельштраус Ц.Г. «Пляски смерти» в западноевропейском искусстве XV века как тема рубежа Средневековья и Возрождения // Проблемы развития зарубежного искусства от Средних веков к Новому времени. СПб. : Ин-т имени И.Е. Репина, 2013. С. 23–34.

⁷ Жельвис В.И. Смерть в немецких эвфемизмах // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1. С. 168–174 ; Осипова А.А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 250 с.

репрезентация смерти в виде старухи с косой: *Он всегда игнорировал разговоры о смерти, но я знаю точно: старуха с косой не такая зазнайка, она приветит каждого* (В. Синицына); *Na przestrzeni wieków kobieta z kosą była wybawicielką od ziemskiego cierpienia, jak i karą za grzechy oraz tragedią, która zabiera wszystko, bez względu na pochodzenie czy status społeczny* (Forum Internetowe “Zapytaj”). Данный языковой и понятийный образ восходит к народным славянским верованиям. Вот как описывает смерть, представленную в образе женщины в ранней польской культуре, Б. Огородовска: «...wysoka, chuda i blada kobieta z trupa czaszką zamiast głowy albo nagi szkielet ludzki, niekiedy spowity w białe płótno, zawsze z nieodłącznym swym atrybutem, wielką kosą»⁸. Неизменный атрибут персонифицированного образа смерти — коса — закреплен и в польском фразеологизме *pod kosę (śmierci) głowę podłożyć*. В польской мифологии, равно как и мифологии других западных славян, существовала и богиня, олицетворяющая смерть и зиму, имя которой Марена (пол. Marzanna; производное от праиндоевропейского корня *mar-/mor-, означающего ‘смерть’). Предвестница смерти или же сама смерть — женщина в белом одеянии, как правило неестественно худая, бледная и высокая: *Незадолго до смерти ему явилась женщина в белом, с очень бледным лицом, в длинном холицовом платье* (М. Кучерская).

Таким образом, смерть в русской и польской лингвокультурах имеет преимущественно женское лицо. Заметим, что и языковая репрезентация концепта «смерть» в русском и польском языках — это существительные женского рода (*смерть, śmierć*), равно как и имена-эвфемизмы *костлявая, курносая*: *Словно сама костлявая была четвертой на их дружеской пирושке* (В. Козько), *kostucha, kostusia, białokoścista (Ostatnie konwulsje ofiar fotografuje urozowany na kostuche tajemniczy doktor* (Słownik języka polskiego PWN).

Репрезентированная через образ женщины (старухи с косой) смерть наделяется следующими способностями человека:

1) физическими (она может передвигаться и совершать иные действия: *Смерть придет и на печи найдем* (Пословица); *Неутолимая смерть наложила на него коснеющую руку в то время, когда он, несмотря на свой согбенный возраст, был еще полон расцвета сил и лучезарных надежд* (А. Чехов); *Śmierć przyszła nagle i bezobjawowo, matka chłopca zauważyła, że dziecko nie oddycha i zgłosiła sytuację załodze* (Dziennik Związkowy. 30.08.2015);

2) интеллектуальными (смерть может принимать решения, выбирать: *Однажды смерть решила подлечиться: / То сердце ноет, то спина болит* (Э. Титова-Ромм); *Jedyną prawdziwą drogą do śmieci jest starość. Cała reszta to profanacja śmierci. Ona ma wybrać, a nie ktoś, bądź ty.* (Forum Internetowe);

3) речевыми: она может говорить: *И тут приходит смерть, говорит: «Эх, казак!»* (А. Иличевский); *Śmierć opowiada o życiu* (Gosc. pl. 31.10.2012).

Из всех частей тела персонифицированного образа смерти и в русской, и польской лингвокультурах акцент делается прежде всего на ее глазах, лице и руках: *Сказываю тебе вперед: страшно заглянуть в глаза смерти* (Ф.В. Булгарин); *Вот оно — живое лицо смерти, поглощающей детей, молодых солдат, старух, беременных и только что освободившихся от бремени* (Г. Щербакова); *Рука смерти наложила свою печать на безобразную человеческую оргию* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *Pytasz co w moim życiu z wszystkich rzeczą główną, / Powiem ci: śmierć i miłość — obydwie zarówno. / Jednej oczu się czarnych, drugiej — modrych boję* (J. Lechoń); *Patrzymy w twarz głodu, twarz ognia, twarz śmierci, najgorszą ze wszystkich — twarz zdrady* (J. Kamiński); *...a ręka śmierci w ostatnich chwilach życia nie mogła zagłodzić owych rysów, dręczących uczuć, świętokradztwa i zbrodni* (Kuryer Litewski. 1816. N 6). Вероятнее всего объясняется это тем, что глазам, как пограничной части лица между внешним и внутренним миром, с глубокой древности приписывается способность оказывать магическое, психологическое воздействие, а рука выступает символом господства, владычества⁹. Глаза смерти завораживают, а от ее руки человеку никуда не деться.

Цвет глаз смерти также глубоко символичен: в русской культуре они черные, синие или голубые: *Бездонные черные глаза смерти смотрели прямо на Синяку, и он сжался и склонился с деланным смирением* (Е. Хаецкая); *Я смотрела в холодные прозрачно-голубые глаза смерти в ужасе* (А. Помазан); *У смерти синие глаза, / А моей смертью станет Ворон. / Мне время не вернуть назад, / Как не вернуть назад ни слова.* Стихи.ру), в польской — голубые или черные

⁸ Oгородowska B. Polskie tradycje i obyczaje rodzinne. Warszawa: Muza SA, 2011. S. 232.

⁹ Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения: 23.05.2016).

(Śmierć ma oczy błękitne i zimne, a wysokość obelisku nie ma znaczenia, nie mają też znaczenia napisy, jakie się na nim wykuje (A. Sapkowski); Jak wyobrażasz sobie śmierć? — Błada, przenikliwe czarne oczy i włosy czarnego koloru, nieco potargane (Forum Internetowe). Черный цвет в славянской культуре искони ассоциировался с землей, мраком и смертью, отсюда и черные глаза последней; синий цвет — цвет мудрости, но в то же время он связан и с «мертвой водой», способной, например, срastить разрубленное на части тело сказочного героя, но не оживить его; голубой — это разбеленный синий, примечательно, что в традиционной культуре славян этот цвет ассоциировался с небом, днем и жизнью, поэтому голубые глаза смерти, с одной стороны, можно рассматривать как отображение идеи потустороннего бытия («на небе», где обитают души умерших после смерти), с другой (если принять во внимание, что это более позднее культурное образование) — голубой — цвет холодный, прозрачный, а холод, безусловно, является одним из модусов смерти.

Наделяется смерть и отдельными качествами человека, как правило отрицательными, ей свойственны жестокость, безжалостность, злоба: *Но смерть жестока, смерть неумолима (Л. Славгородская); Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть (М. Шолохов); О, злая смерть! Как мучишь ты жестоко! (А. Седых); Stał, trzymając w swoich rękach najbardziej znieprawioną osobę na świecie i tylko niebywała samokontrola uchroniła maga od szybkiej, brutalnej śmierci (Т. Nowicki); Niestety, bezlitosna śmierć, z którą zawsze igrał jakby była zabawką, tym razem wyciągnęła po niego swoje pazury (Т. Mordka); Nie śmierć jest zła, ale zła śmierć. / Nie życie jest dobre, ale dobre życie. / Chciałbym mieć maszynkę do wygodnego umierania, / tak zwyczajną, jak maszyna do pisania (М. Cisło).*

Представляется смерть также посредством орнитологической метафоры. Подобно птице, у нее есть крылья: *Веет крыло смерти, как говорит Фингал, но не всех оно задевает (Г. Данилевский); Może miłość twe serce rozdarła na ćwierci, / I ty szukałeś ulgi pod skrzydłami śmierci (Т. Zabłocki).* Данная метафорическая модель объективации смерти может считаться одной из ранних, поскольку восходит к древним славянским верованиям. Наши предки представляли смерть в образе различных птиц (черного ворона, сизого голубя, совы, в некоторых загадках она предстает в образе утки или орла), отсюда ее определение как «крылатой». Птицей, по данным фольклорных текстов, является и душа человека, вылетающая из груди после смерти.

Используется для образной репрезентации смерти у русских и поляков зооморфный код. Смерть агрессивна. Подобно хищному зверю, она внезапно может напасть на человека, способна обезобразить его тело. Ее неизменным атрибутом в этом образе являются когти: *Ее дыхание замедлилось, а кожа похолодела, и Виктор готов был поклясться, что он буквально чувствует, как черная когтистая лапа смерти уже тянется по коридору с факелами (Н. Баранов); Wpaść w szpony śmierci jest łatwo, wy dostać natomiast trudniej (Forum Internetowe).* Когти смерти — это не только иллюстрация ее хищнической природы, но и силы; когти смерти прочны, вырваться из них человеку не под силу: *Jak dotrzeć do celu, gdzie czeka już śmierć. Swymi szponami wydziera z nas duszę! Nie słucha błagań, jest bezlitosna! (Forum Internetowe).*

Из разряда витальных метафор для обозначения смерти чаще всего используются модели «смерть — сон» и «смерть — болезнь». Поскольку смерть в верованиях наших предков отождествлялась с мраком, темнотой ночи, то, возможно, именно это способствовало сближению понятий сна (ведь именно ночью человек спит и отрешен от мирских дел) и смерти. Кроме того, спящий человек подобен умершему: он практически недвижим, у него закрыты глаза, он не способен воспринимать то, что происходит вокруг. Общим для смерти и состояния сна является и то, что душа человека покидает в эти моменты его тело: «Пока человек жив, душа пребывает в нем постоянно. Лишь во время сна она может ненадолго покинуть тело и путешествовать по разным местам...»¹⁰. Однако, когда приходит смерть, душа покидает тело навсегда, потому смерть — это сон вечный: *Таинственная дума / еще блуждала на челе твоём, / Когда глаза закрылись вечным сном (М. Лермонтов); ...że lekkim snem zakonczę życie... (А. Mickiewicz).*

Смерть подобна и болезни, тяжелой, страшной, от которой нельзя вылечиться: *На одну смерть лекарства нет; От всего вылечишься, кроме смерти; От смерти нет зелья (Пословицы); Śmierć jest chorobą, podkorywanie zaczyna od życia... (А. Syska).* Примечательно, что и в русской, и польской лингвокультурах жизнь, будучи антиподом смерти, тоже описывается через признаки болезни: *Но жизнь — это болезнь, / И всегда летальный исход, / Но, может быть, нам повезет, / И после него что-то есть... (Д. Рупышев).* Смерть может выступать также в образе врача, способного излечить от нее: *Życie jest chorobą, cały świat szpitalem, a śmierć — lekarzem (Forum Internetowe).*

¹⁰ Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. С. 166.

Смерть отождествляется с живым организмом, с его дыханием: *Ничто не заставило бы ее забыть то, что она пережила в эти минуты: страшное **дыхание смерти**, которое она почувствовала на своем лице, и уверенность в том, что в жизни нет места мелким чувствам* (А. Берсенева); *Wojtek poczuł **oddech śmierci*** (W. Maticki). Однако дыхание смерти лишено жизни, дыхание смерти ледяное, холодное: *Его эскапада слишком напоминала прогулку по краю пропасти, и он чувствовал **ледяное дыхание смерти** за спиной* (Н. Леонов, А. Макеев); *A kiedy **lodowaty oddech śmierci**, zmierzwi włosy moje. / Bądź obok mnie i prowadź do domu Ojca swego...* (Forum Internetowe).

Негативное отношение к смерти в русской лингвокультуре выражается через ее отождествление с ядом, отравой: *Эх, гармошка, **смерть-отрава**, / Знать с того под этот вой / Не одна лихая слава / Пропадала трын-травой* (С. Есенин); *Барское имение, колонны, все эти перелески, опушки; просачивающаяся по капле **смерть управляет** почти дворянский обиход* (А. Лунгин).

Смерть может представляться и как некая субстанция, обладающая запахом: *Мне этот бой не забыть ничем — / **Смертью пропитан воздух**...* (В. Высоцкий); *Ему вдруг стало тягостно разговаривать с Дроздовой. Вокруг нее витал осязаемый **запах смерти*** (М. Милованов); *Z czasem doszedłem do wniosku, że **śmierć** zbliżając się po kogoś przechodziła obok mnie **zostawiając charakterystyczny zapach**, który był wyczuwalny tylko przeze mnie w różnych okolicznościach — podczas posilku, kąpieli* (Forum Internetowe). Запах смерти часто определяется как сладкий/сладковатый, ванильный, неприятный, тошнотворный: *Ветер трепал оторванный от стены лист гофрированного железа, из-под которого торчала стекловата, ветер то подвывал, то ныл в трубах отопления, окутанных истрепанными клочьями утеплителя (о, зимние ветры, стирающие надеждкой поземки зазубрины человечества на северных отмелях мира!), ветер же доносил **сладковатый запах смерти*** (В. Голованов); *Czulem nawet zapach śmierci. Już wiem jak **pachnie śmierć. Jest słodka i mdła** zarazem, wchodzi w każdy zakamarek twojego ciała i każe ci patrzeć na siebie* (Forum Internetowe).

Из сферы температурных метафор концепт «смерть» проявляется через признаки холода: *Кирчо не чувствовал холода — он чувствовал другой холод, изнутри, вечный **холод смерти**, — но в ускользающем, уже уходящем сознании вдруг мелькнула ясная мысль: снег* (Б. Васильев); *Ona z życiem już dawno swój rozwój zawarła. / **Zimna śmierć** na niej leży, jako śron zawczesny / Na najpiękniejszy kwiatku z całego ogrodu...* (J. Korsak). Подобного рода метафору можно отнести к разряду оценочных: тепло в сознании человека ассоциативно связано с чем-то хорошим, приятным, холод — с отталкивающим, неприятным, плохим (ср.: *теплые пожелания, теплый взгляд — холодный взгляд, холодное сердце*). Поскольку смерть в обеих лингвокультурах чаще оценивается негативно, то сочетания типа **тепло смерти / *ciepło śmierci, *теплая смерть / *ciepła śmierć* в речевом употреблении не встречаются.

Смерть является завершающим этапом земной жизни человека, неким переходом из одного мира в другой (согласно древним славянским верованиям и религиозному учению христиан), поэтому вполне закономерно ее метафорическое прочтение как некоего путешествия в русской и польской культурах: *В конце концов, что такое смерть? **Смерть**, дорогие товарищи, это самое интересное **приключение**, которое мы испытываем в жизни* (А. Стругацкий); *Niewątpliwie jednak **śmierć** dotyczy wszystkich i **stanie się** naszą największą życiową **przygodą**, nieporównywalną z żadnymi innymi* (E. Rylski).

В русской лингвокультуре смерть представляется и как некое торжество: *Был он грустен или тайно-весел, / Только **смерть** — **большое торжество**. / На истертом красном плюше кресел / Изредка мелькает тень его* (А. Ахматова); *Смерть — это торжество, скорбное, но торжество* (Банфакс. 18.06.2015). Исходя из лексического значения существительного *торжество* — «большое празднество в ознаменование какого-нибудь события»¹¹, можно предположить, что смерть в русской культуре осмысливается и как важное (выдающееся) событие, завершающее земную жизнь человека, подобное тому, каким является и рождение, появление человека на свет.

Двойственность отношения к смерти у русских и поляков часто проявляется в ее концептуализации через противоположные признаки. Смерть метафорически может представляться и как некая награда, и одновременно как кара человеку: *Если **смерть** — награда*

¹¹ Толковый словарь современного русского языка / Ожегов С.И. [и др.]. 3-е изд. стереотип. М. : Азъ, 1995. С. 792.

за жизнь, то зачем тогда жить? (Интернет-форум); ...может смерть — это кара за недостойно прожитую жизнь? (Интернет-форум); *Życie jest przygodą, a śmierć nagrodą* (Forum Internetowe); *A jeśli idzie o pytanie, to śmierć jest karą za grzechy* (Forum Internetowe). Смерть-награда воспринимается представителями обеих культур как избавление, например, от тяжелой болезни, тягот, жизненных проблем: *Для 100-летнего больного во всех местах старика смерть — избавление от земных мук* (Интернет-форум); *“Śmierć jest wybawieniem” — brzmi życiowe credo 90 proc. uczniów...* (К. Lewkowicz-Siejka). Смерть-кара определяется как расплата человека за его собственные грехи: *Смерть — расплата за все грехи* (Интернет-форум); *Widzimy więc, że świadectwa Biblii na temat piekła są w harmonii z tą podstawową prawdą, że zapłatą za grzech jest śmierć, a łaską Boga — życie wieczne* (Forum Internetowe).

Подведем некоторые итоги. Смерть как некая загадка для человека порождает большое количество метафорических репрезентаций, образы смерти представлены как попытка конкретизации этого понятия в наивной картине мира. Одни метафоры, например «смерть — старуха с косой», «смерть — птица» и другие, уходят своими корнями в язычество, другие связаны с религиозными верованиями и являются общими для русской и польской лингвокультур, третьи имеют более позднее образование и обусловлены национальной спецификой. Многие метафоры, репрезентирующие смерть, являются оценочными образованиями с преобладанием в обеих культурах негативной оценки. Смерть представлена как непобедимая сила, внушающая страх, оттого и ее образы (безобразная старуха, хищный зверь и под.) и характеристики (жестокая, безразличная, коварная и т.д.) тяготеют к пейоративности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Аръес, Ф. Человек перед лицом смерти [Текст]. — М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст]. — М. : Гнозис, 2004. — 192 с.
3. Жельвис, В.И. Смерть в немецких эвфемизмах [Текст] // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 4. — Т. 1. — С. 168–174.
4. Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа [Текст]. — М. : Астрель, 2000. — 528 с.
5. Нальчикова, Е.А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов [Рукопись] : дис. ... канд. ист. наук / Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. — Нальчик, 2007. — 233 с.
6. Нессельштраус, Ц.Г. «Пляски смерти» в западноевропейском искусстве XV века как тема рубежа Средневековья и Возрождения [Текст] // Проблемы развития зарубежного искусства от Средних веков к Новому времени : сб. ст. — СПб. : Ин-т имени И.Е. Репина, 2013. — С. 23–34.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : Азъ, 1995. — 928 с.
8. Осипова, А.А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг. [Рукопись] : дис. ... канд. филол. наук / Магнитогор. гос. ун-т. — Магнитогорск, 2005. — 250 с.
9. Рыльская, Т.П. Мифологема смерти в проблемном поле визуальной культуры [Рукопись] : дис. ... канд. культурологии / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. — Краснодар, 2010. — 170 с.
10. Чалова, Л.В. Образ смерти в стихотворении Э.А. По «Ворон» [Текст] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 1. — С. 78–82.
11. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения: 23.05.2016).
12. Ogrodowska, B. Polskie tradycje i obyczaje rodzinne [Текст]. — Warszawa : Muza SA, 2011. — 323 s.
13. Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sjp.pwn.pl/slownik> (дата обращения: 1.06.2015).

REFERENCES

1. Ar'es, F. Chelovek pered licom smerti [Text]. — M. : Progress : Progress-Akademiya, 1992. — 528 s.
2. Vorkachev, S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept [Text]. — M. : Gnozis, 2004. — 192 s.
3. Zhel'vis, V.I. Smert' v nemeckih ehvfemizmah [Text] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. — 2012. — N 4. — T. 1. — S. 168–174.
4. Levkievskaya, E.E. Mify russkogo naroda [Text]. — M. : Astrel', 2000. — 528 s.

5. Nal'chikova, E.A. Smert' v mental'nom vospriyatii i povsednevnoj praktike adygov [Rukopis'] : dis. ... kand. ist. nauk / Kabardino-Balkarskij gos. un-t im. H.M. Berbekova. — Nal'chik, 2007. — 233 s.
6. Nessel'shtaus, C.G. "Plyaski smerti" v zapadnoevropejskom iskusstve XV veka kak tema rubezha Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya [Text] // Problemy razvitiya zarubezhnogo iskusstva ot Srednih vekov k Novomu vremeni : sb. st. — SPb. : In-t imeni I.E. Repina, 2013. — C. 23–34.
7. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Text] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. — M. : Az", 1995. — 928 s.
8. Osipova, A.A. Koncept "Smert'" v russkoj yazykovej kartine mira i ego verbalizaciya v tvorchestve V.P. Astaf'eva 1980–1990-h gg. [Rukopis'] : dis. ... kand. filol. nauk / Magnitogor. gos. un-t. — Magnitogorsk, 2005. — 250 s.
9. Ryl'skaya, T.P. Mifologema smerti v problemnom pole vizual'noj kul'tury [Rukopis'] : dis. ... kand. kul'turologii / Krasnodar. gos. un-t kul'tury i iskusstv. — Krasnodar, 2010. — 170 s.
10. Chalova, L.V. Obraz smerti v stihotvorenii Eh.A. Po "Voron" [Text] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. — 2010. — N 1. — S. 78–82.
11. Ehnciklopediya simboliki i geraldiki [Ehlektronnyj resurs]. — Access: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (data obrashcheniya: 23.05.2016).
12. Ogrodowska, B. Polskie tradycje i obyczaje rodzinne [Text]. — Warszawa : Muza SA, 2011. — 323 s.
13. Słownik języka polskiego [Ehlektronnyj resurs]. — Access: <http://sjp.pwn.pl/slownik> (data obrashcheniya: 1.06.2015).

N.V. Deeva

**METAPHORIC REPRESENTATION
OF THE CONCEPTS "DEATH" AND "ŚMIERĆ"
IN RUSSIAN AND POLISH LINGUISTIC CULTURES**

The concept "death" is a key concept in both Russian and Polish cultures. The concepts "смерть" and "śmierć" are represented by metaphorical structures in the Russian and Polish languages. Both languages have a great number of metaphors (anthropomorphic, zoomorphic, ornithological, etc.) representing the concept of "death", which shows that people have been interested in the concept since the dawn of time and people's attempts to conceptualize death have never ceased. Conceptualization through metaphor does not only let one visualize death but also allows one to express one's evaluation of the concept.

concept, conceptual metaphor, linguoculturology, naive picture of the world.